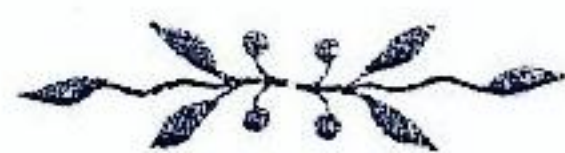

МѢЙ-ДЪИ.

ЭРА ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЯПОНИИ.

Л. Мечникова.

Гос. Центр. Библиотека
и иностранной
литературы

КАЗАНЬ.

Типо-Литографія Окружнаго Штаба.

M/1

Дозволено цензурою. Г. Казань, 15 января 1905 г.

Эра просвѣщенія Японіи.

На двухъ противоположныхъ окраинахъ Востока передъ нами открываются, въ настоящую минуту, двѣ противоположныя картины событій: одна представляетъ намъ медленный и мучительный процессъ разложенія государственнаго организма, парализованнаго внутреннимъ истощеніемъ во всѣхъ своихъ частяхъ; на другой мы видимъ быстрое и дѣйствующее возрожденіе народа, выступающаго на сцену культурной міровой дѣятельности. Въ то время, какъ въ Турціи всераснадается и догниваетъ, на крайнемъ Востокѣ, въ Японіи, все оживаетъ и крѣпнеть. Причины различія въ судьбахъ этихъ народовъ совершенно понятны. Турція, основавшая свое могущество на силѣ меча и религіознаго фанатизма, остановилась въ своемъ развитіи только на этой силѣ, и не хотѣла или не могла принять въ себя другихъ прогрессивныхъ и обновляющихъ элементовъ народной жизни. Она окаменѣла въ своемъ застоѣ, который рано или поздно приводитъ къ тому состоянію, въ которомъ жизнь дѣлается болѣе невозможной. Японія распорядилась собой иначе. Когда она поняла, что ея традиціонныя тиски ужъ слишкомъ стѣсняютъ ея жизненные отправления, что отсталость ея должна привести еѣ къ тяжелому болѣзненному кризису, она энергически сбросила ихъ и пошла новымъ реформаціоннымъ путемъ.

Не болѣе тридцати семи лѣтъ, какъ она вышла на этотъ путь послѣ 20-ти вѣковой мертвящей косности, и нельзя не удивляться необыкновенному ея преобразованію. Это полный

радикальный переворотъ, какой только мы знаемъ въ исторіи. Начиная уничтоженіемъ феодальной системы и преобразованіемъ всего правительственнаго механизма и оканчивая организаціей самаго широкаго народнаго образованія, ни одна отрасль соціального и политическаго быта не осталась нетронутой въ этой реформаціонной ломкѣ. Менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ Японія обзавелась телеграфами, желѣзными дорогами, арсеналами и флотомъ ¹⁾, пароходами, промышленными и торговыми ассоціаціями, общими и спеціальными школами, поставивъ народное образованіе высшей задачей своей преобразовательной дѣятельности. Страна относительно бѣдная, какъ всѣ исключительны земледѣльческія страны, она, однакожъ, находитъ средства разсылать своихъ молодыхъ людей во всѣ европейскіе университеты; съ самыми скромными финансовыми средствами она произвела выкупъ феодально-поземельной собственности у князей и духовенства, вознаградила дворянство за утраченныя имъ привилегіи, и въ то-же время нашла возможность создать множество новыхъ техническихъ и административныхъ учрежденій. Но такъ-какъ въ народной жизни все совершается медленно и новымъ идеямъ приходится пролагать себѣ путь сквозь многочисленныя преграды человѣческой ограниченности и укоренившихся предрассудковъ, то, нѣтъ сомнѣнія, что многія реформы въ Японіи далеко не созрѣли и не привились къ общественному сознанию. Только время и опытъ произнесутъ надъ ними окончательный приговоръ. Но сущность дѣла не въ этомъ, а въ томъ прогрессивномъ направленіи, которое двинуло такую страну, какъ Японія, съ ея неподвижнаго устоя. Разъ избранный ею новый путь, дѣлается для нея логически и въ силу самыхъ вещей неизбѣжнымъ путемъ; медленно или скоро, ошибочно или правильно, но она должна слѣдовать имъ, порвавъ свои органическія связи съ прошлымъ. Станетъ ли Японія во главѣ возрожденія остальнаго Востока или нѣтъ?—на этотъ вопросъ отвѣтитъ время, но его не могутъ болѣе игнорировать цивилизованныя націи, не могутъ и не должны пренебрегать

¹⁾ Японія въ 1853 году, какъ морское государство стояла ниже Китая.

ея настоящимъ и будущимъ значеніемъ. Изученіе ея и болѣе или менѣе раціональныя отношенія къ ней дѣлаются обязательными особенно для ея ближайшихъ сосѣдей. Не надо забывать, что солидарность народовъ въ человѣческой семьѣ, какъ солидарность отдѣльныхъ членовъ общества становится въ наше время главнымъ руководящимъ принципомъ политической, соціальной и умственной ихъ силы.

Японія, ближайшая сосѣдка нашихъ владѣній на Тихомъ океанѣ, имѣетъ для Россіи такое значеніе, котораго она, конечно, не можетъ имѣть для другихъ европейскихъ народовъ. Для англичанъ или французовъ, даже для американцевъ—восточныхъ своихъ сосѣдей—она служитъ только торговымъ рынкомъ для обмѣна ихъ продуктовъ на мѣстные и на звонкую монету или станціею въ ихъ сношеніяхъ съ Китаемъ. Для нашего Уссурийскаго края, для Камчатки или даже для Восточной Сибири Японія становится центромъ или разсадникомъ европейскаго просвѣщенія, не смотря на то, что она сама только тридцать лѣтъ тому назадъ, дѣятельно и окончательно примкнула къ цивилизованной жизни. Наши чиновники и морскіе офицеры, долго прожившіе въ Приморской области или въ другихъ отдаленныхъ частяхъ русскихъ владѣній, въ Йокогамѣ отдыхаютъ отъ тягости и дикости своей жизни. Здѣсь, по ихъ собственному неоднократному признанію, на нихъ снова вѣетъ европейской атмосферой; здѣсь они приходятъ въ соприкосновеніе съ самымъ разнообразнымъ международнымъ обществомъ и дѣлаются очевидцами энергической реформаціонной дѣятельности по всѣмъ отраслямъ государственнаго устройства. Отсюда они могутъ на удобныхъ французскихъ, англійскихъ, и японскихъ пароходахъ отправляться въ Европу и въ Петербургъ, вмѣсто того, чтобы подвергать себя неудобствамъ примитивной дороги чрезъ Сибирь. Изъ Японіи жители Владивостока снабжаются европейскими товарами и звонкою монетою. Наши военныя суда сибирской

эскадры ходятъ для починки въ превосходные доки Йокоски близъ Йокагамы. Наши портовые суда,—правда, крайне немногочисленные,—находятъ въ японскихъ портахъ возможность дешеваго снабженія необходимыми припасами, удобныя стоянки и помощь на случай кораблекрушенія.

Однако, если всѣхъ этихъ выгодъ, извлекаемыхъ нашими крайне — восточными окраинами изъ ихъ непосредственнаго сосѣдства съ возрождающеюся Японіею, все-таки окажется мало, то виновата въ этомъ не Японія, которая изъ нашихъ окраинъ не извлекаетъ вовсе никакихъ выгодъ и, слѣдовательно, не имѣетъ поводовъ заботиться о развитіи своихъ сношеній въ этомъ направленіи на западъ. Жизнь нашихъ восточныхъ окраинъ до того бѣдна, до того на-глухо замкнута въ себѣ, что если офиціальная инициатива не даетъ ей внѣшняго толчка, то она сама по себѣ не способна ничего ни предпринять, ни организовать. Съ уступкою Японіи Курильскихъ острововъ (взамѣнъ японской половины Сахалина), единственная торговля этого края — пушной промыселъ, служившій весьма обильнымъ источникомъ обогащенія для г.г. Филипеуса и К^о, ускользаетъ изъ русскихъ рукъ. Датско-Американская компанія, занимавшаяся разработкой каменноугольныхъ копей въ русской части Сахалина, въ 1875-мъ году была приглашена прекратить свою дѣятельность, такъ какъ правительство имѣло какіе то спеціальныя виды на этотъ островъ. „Не оживетъ, аще не умретъ“ — наша торговая и промышленная дѣятельность на Тихомъ океанѣ за эти послѣдніе два, три года умерла такъ рѣшительно, что препятствій къ ея оживленію, по крайней мѣрѣ, съ этой стороны никакихъ быть не можетъ. Какъ бы то ни было, но въ этомъ направленіи мы не можемъ ступить ни шагу безъ того, чтобы не встрѣтиться съ Японіей, и что преуспѣянія на пути прогресса „Имперіи восходящаго солнца“ представляютъ для жителей нашихъ восточныхъ окраинъ чрезвычайно благопріятный шансъ, котораго они, конечно, не могли имѣть, пока эта страна оставалась мертвою въ своей традиціонной восточной скорлупѣ.

Россія и Японія не только непосредственные сосѣди, но она имѣетъ общихъ сосѣдей — Китай и Корею, от-

ношенія съ которыми рано или поздно должны выясниться и опредѣлиться. Отсюда естественно вытекаетъ извѣстная общность политическихъ интересовъ, очень хорошо сознаваемая Японіей, которая, съ своей стороны, дѣятельно стремится ознакомиться какъ можно тѣснѣе съ Россіей, съ ея государственнымъ строемъ, исторіей, нравами и языкомъ. Правительство не только содержитъ въ Петербургѣ многочисленное посольство, посылаетъ туда своихъ студентовъ, но и заводитъ у себя три школы русскаго языка: одну въ нынѣшней столицѣ То-кьо или Іедо, предназначенную болѣе или менѣе спеціально для приготовленія переводчиковъ министерству иностранныхъ дѣлъ; другую въ Хакозате, содержащую на счетъ министерства колоній (Кайтаку-си) и третью въ Нагасаки (гдѣ между прочимъ, вслѣдствіе частаго привала русскихъ военныхъ судовъ, образовалась уже цѣлая деревня, жители которой всѣ отъ мала до велика говорятъ, или по крайней мѣрѣ, понимаютъ по-русски). Надо замѣтить, что въ столицѣ существуетъ еще самостоятельная школа русскихъ миссіонеровъ, постоянно имѣющая полный комплектъ учениковъ, и, конечно, не интересъ религіозной пропаганды привлекаетъ туда японское юношество. Не слѣдуетъ забывать, что японцы уже въ XVI вѣкѣ шокировали католическихъ миссіонеровъ своимъ скептицизмомъ и что едва-ли существуетъ страна, менѣе пригодная для миссіонерской дѣятельности, какъ современная Японія.

Рѣшившись выступить на дорогу европейской культуры и цивилизаціи, Японія поставлена была въ необходимость поближе ознакомиться съ европейскими учрежденіями и порядками и призвать къ себѣ, какъ руководителей и наставниковъ, иностранцевъ со всѣхъ концовъ Европы. Такъ, напр., она отдала свое военное устройство въ руки французскихъ офицеровъ; морское вѣдомство было поручено англичанамъ; устройство народныхъ и нормальныхъ школъ ведется и до сихъ поръ подъ американскимъ надзоромъ, а для учрежденія медицинской школы были приглашены нѣмцы. Какъ ни странно это можетъ показаться на первый взглядъ, тѣмъ не менѣе языкомъ юридическаго и дипломатическаго развитія Японіи предполагалось сдѣлать русскій. Это ихъ намѣреніе слѣдуетъ приписать къ

тому, что горсть государственныхъ людей Японіи, вліянію которыхъ страна обязана тѣмъ, что переворотъ 1868 года, начатый съ открытымъ намѣреніемъ если не совсѣмъ уничтожить, то, по крайней мѣрѣ, значительно обкорнать сдѣланныя иностранцамъ уступки, закончился, однакожь, полнымъ торжествомъ просвѣтительныхъ началъ... Руководители возрожденія Японіи—Ивакура, глава посольства, объѣхавшаго въ 1872—74 г.г. всю Европу и Соединенные Штаты сѣверной Америки, Кизо, бывшій министръ народного просвѣщенія, Соезима, долго бывшій министромъ иностранныхъ дѣлъ, и многіе другіе остаются до настоящаго времени ревностными поклонниками „Петеръ-Берики“—такъ они называютъ Петра Великаго, біографія котораго была одною изъ первыхъ европейскихъ книгъ, переведенныхъ на японскій языкъ. Психологически весьма понятно, что именно дѣятельность преобразователя Россіи должна была сильнѣе, чѣмъ дѣятельность всякаго другого государственнаго дѣятеля Европы, поразить японскій умъ, благодаря той аналогіи, которую стремящаяся къ преобразованію Японія представляла съ Россіею петровскаго времени. Многія другія соображенія заставляли японцевъ искать себѣ образцовъ не въ Англіи или Америки, столь далеко опередившихъ своихъ сверстниковъ, а именно въ Россіи, выступившей еще не такъ давно на преобразовательный путь, а потому и представляющей собою идеаль легче достижимый. Не слѣдуетъ забывать, что ближайшей задачей реформаторовъ Японіи было образованіе въ странѣ сильно централизованной государственной власти, способной обуздать феодальныя стремленія удѣльныхъ князей или *дай-мьо*, и кичливость многочисленной шляхты—*самураевъ* и *хатамото*, которая все теряла съ этимъ переворотомъ и по необходимости должна была служить тормозомъ къ развитію японскаго просвѣщенія. Нигдѣ въ Европѣ эта централизующая государственная власть не стоитъ на такой высотѣ, которой она достигла въ Россіи, а потому и немудрено, что японское правительство, имѣвшее въ виду измѣнить не только политическія рамки, но и самую социальную сущность японскаго быта, обращало свои взоры на насъ, своихъ западныхъ сосѣдей. Къ этому присоединялось

множество другихъ побочныхъ соображеній. Такъ, напр., Англія, Франція и Америка имѣютъ въ Японіи слишкомъ серьезные коммерческіе интересы. Многочисленные выходцы изъ этихъ странъ, наѣхавшіе сюда съ единственною и исключительною цѣлью нажиться на счетъ японскихъ кармановъ, постоянно втягивали и дипломатическія представительства своихъ странъ въ разнаго рода скандальныя исторіи, столь существенно компрометирующія дѣло цивилизаціи въ отдаленныхъ колоніяхъ. Американскій комодоръ Перри, убѣдившій Вашингтонскій конгрессъ снарядить достопамятную экспедицію 1852—54 годовъ, которой мы и обязаны открытіемъ Японіи, уже предвидѣлъ подобныя столкновенія и заранѣе рекомендовалъ своему правительству въ будущихъ своихъ сношеніяхъ съ вновь открываемой страной не жертвовать интересами гуманности и справедливости ради выгоды спекуляторовъ, если правительство хочетъ извлечь изъ Японіи ту пользу, которую оно способно принести американской націи вообще ¹⁾. Совѣтъ его, однакожь, былъ исполненъ такъ плохо, что г. Андрю Сьюардъ посѣтившій Японію въ 1869 г., и въ изданномъ имъ описаніи своего путешествія вокругъ свѣта, и въ частныхъ запискахъ конгрессу вынужденъ повторить его снова, въ то-же время, выставляя въ крайне невыгодномъ свѣтѣ тѣ отношенія, въ которыя стали къ японцамъ не только заморскіе спекулянты-просвѣтители, но и различные посланники и консулы. Сьюардъ утверждаетъ между прочимъ, будто японское правительство до того было запугано хищническою требовательностью иностранцевъ, что препятствіемъ къ сооруженію желѣзной дороги между Йокагамою и То-кьо (Едо) долгое время служило соображеніе, что иностранцы будутъ ѣздить или отправлять товары этимъ путемъ и за малѣйшую неисправность со стороны служащихъ на желѣзной дорогѣ лицъ взыскивать съ правительства чудовищные протори и убытки, а посланники и консулы будутъ поддерживать ихъ требованія.

¹⁾ См. Narrative of the Expedition of an americ. Squadron to the China Seas and Japan.—Washington. Beverley Tuckler, 1856 г.

Совершенно иное положеніе Россіи въ этомъ отношеніи. Не имѣя ни торговыхъ факторій, ни промышленныхъ предприятий въ Японіи, она *могла бы* очень удобно обойти этотъ подводный камень, на что, повидимому, рассчитывали и сами японцы. Мы говоримъ „могла бы“, такъ какъ въ дѣйствительности она его не миновала и наши власти нашли-таки случай показать, что и они, не хуже другихъ, считаютъ японцевъ за стадо барановъ, обреченное на то, чтобы его стричь безъ зазрѣнія совѣсти въ пользу консульскихъ и посольскихъ протекже.

Гораздо прежде, чѣмъ иностраннымъ державамъ удалось заключить съ Японіей торговые договоры, въ Японіи уже существовалъ страхъ, что европейцы—особенно англичане—явятся завоевывать Японію, какъ они уже завоевали Индію. Извѣстно, что Японія въ 1868 г. управлялась преемниками Токугава-Іеясу, прозваннаго по смерти Гогенсамою, которому удалось въ концѣ XVI вѣка укротить междоусобія удѣльных князей, доведившія народъ и страну до крайняго разоренія. Какъ и всѣ историческіе дѣятели, Гогенсама, совершая весьма своевременную и національно полезную задачу, преслѣдовалъ въ то-же время своекорыстную цѣль возвеличенія своего потомства. Цѣль эта ему удалась и его преемники пользовались въ Японіи такою властью, что иностранцы считали этихъ правителей—сіюгуновъ или тайкуновъ—за свѣтскихъ императоровъ Японіи. Завѣщаніе Гогенсамы служило замѣною всякаго рода кодексовъ для страны. Высшіе чиновники японской администраціи обязаны были имѣть постоянно при себѣ экземпляръ этого завѣщанія, отпечатанный почти микроскопическимъ прифтомъ, но распространеніе его въ народъ было строжайше запрещено. Одною изъ главныхъ заботъ Гогенсамы было желаніе упрочить навсегда тотъ, выпадаемый для его потомства государственный строй, надъ созданіемъ котораго онъ такъ неутомимо работалъ. Для достиженія этой цѣли ему важно было оторвать Японію отъ всего міра. Той ненависти къ иностранцамъ, которую и до настоящаго времени питаетъ большинство китайскаго народонаселенія, въ японскомъ народѣ не

Пинто, были встрѣчены и народомъ и правительствомъ крайне дружелюбно. Одинъ изъ правителей, предшественниковъ Гогенсамы, Оди Нобунага покровительствовалъ даже католическимъ миссіонерамъ, волтеріански подтрунивая надъ религіозными предметами вообще, но видя въ христіанской пронагандѣ орудіе противъ враждебнаго ему буддійскаго духовенства. Подъ его покровительствомъ миссіонеры до того зазнались, что при преемникѣ его Хидеіоси наималѣйшее стѣсненіе казалось имъ уже діоклетіановскимъ гоненіемъ. А между тѣмъ они-же сами на каждомъ шагѣ вызывали эти стѣсненія, мѣшаясь въ политическую жизнь страны и оскорбляя гордость дай—мьосовъ. Въ особенности съ отъѣздомъ Франциска Ксаверія и іезуиты, и францисканцы выказываютъ такую безтактность, что можно подумать, что они умышленно добиваются преслѣдованія и изгнанія. Подробности этого дѣла читатели найдутъ въ превосходной книги Диксона „Japan“. Мы хотѣли только замѣтить, что для Хидеіоси преслѣдованіе христіанъ было политической необходимостью; Гогенсама-же драконовскими мѣрами противъ всякаго сближенія съ иностранцами старался предохранить дѣло рукъ своихъ отъ всякихъ постороннихъ вліяній. Однакожъ, потребность въ торговыхъ сношеніяхъ съ просвѣщеннымъ міромъ успѣла уже развиться въ Японіи настолько, что и онъ вынужденъ былъ дозволить, по крайней мѣрѣ, голандскимъ торговымъ судамъ приходить ежегодно въ гавань Нагасаки. Какъ ни кратковременны были сношенія японцевъ съ иностранцами, тѣмъ не менѣе они оставили на японскомъ народѣ глубокіе слѣды. Японцы заимствовали отъ португальцевъ огнестрѣльное оружіе, стекло, бархатъ, хлѣбъ, куреніе табаку и пр. Многого, впрочемъ, эти выходцы и дать не могли, будучи сами или морскими разбойниками, вродѣ Пинто, либо фанатиками вродѣ Франциска Ксаверія, или и того хуже. Слѣдуетъ замѣтить, что вліяніе европейцевъ оставило тѣмъ болѣе глубокіе слѣды, чѣмъ далѣе уходило отъ центровъ правительственной власти—отъ городовъ Камакуры и Іедо. На сѣверѣ, особенно въ областяхъ Сендай и Шо-най, до настоящаго времени сохранились многочисленныя хри-

Кьото или Міако, не бывшаго подъ непосредственнымъ контролемъ сіюгунскаго правительства, можно еще находить слѣды вліяній первыхъ европейскихъ выходцевъ. Это прямо указываетъ на то, что отчужденіе Японіи было чисто дѣломъ правительственнымъ, а не народнымъ. Чтобы узаконить эту мѣру въ глазахъ общественнаго мнѣнія, правительство весьма естественно было вынуждено указывать на европейскихъ переселенцевъ—миссіонеровъ или купцовъ—какъ на тайныхъ агентовъ, высылаемыхъ будто-бы своими правительствами для того, чтобы высмотрѣть и увѣдомить его, когда наступитъ удобный часъ для завоеванія Японіи. Вездѣ-же, гдѣ представлялась возможность столкновеній съ иностранцами такъ, что изъ этого никакимъ образомъ не могло произойти никакого ущерба для цѣлостности японской территоріи и неприкосновенности націи, само правительство жадно ловило всякій случай научиться отъ нихъ чему-нибудь полезному. У голландцевъ японцы учились постоянно медицинѣ, естествознанію, картографическому искусству, часовому мастерству. Когда англійскій лоцманъ Адамсъ попалъ въ Японію, то ему сдѣланы были крайне выгодныя предложенія съ тѣмъ, чтобы онъ навсегда остался въ Японіи и прервалъ совершенно всякія связи съ своею родиною, на что, какъ извѣстно, онъ и согласился.

Угроза католическихъ миссіонеровъ, что ихъ король пришлетъ военныя суда и войско для покоренія Японіи, будучи, такимъ образомъ, популяризируема правительствомъ, принесла свои плоды. Когда эскадра Перри появилась въ гавани Урага (1854), требуя заключенія мирныхъ договоровъ, то по всей странѣ распространился паническій страхъ и увѣренность, что наступилъ конецъ японской независимости. Единственный энергическій человѣкъ, оказавшійся въ это время въ правительствѣ сіюгуна Іесада, былъ князь Мито. Не дожидаясь приказанія свыше, онъ принялъ всѣ мѣры къ отчаянной защитѣ и приказалъ даже перелить въ пушки колокола всѣхъ храмовъ въ своихъ владѣніяхъ, за что и былъ посаженъ въ тюрьму. Но уже въ это время въ молодой части японскаго общества потребность сближенія съ цивилизованою жизнью

на строгій дозоръ, являлись къ офицерамъ эскадры, прося увезти ихъ съ собою. Перри, не желая раздражать японское правительство, строго запретилъ принимать ихъ на суда, а одного изъ нихъ даже выдалъ японскимъ чиновникамъ. Его тотчасъ-же заключили въ тюрьму и подвергли строжайшему допросу. Оказалось, что содержатель одной весьма извѣстной въ Іедо школы проповѣдывалъ своимъ ученикамъ о преимуществахъ христіанской цивилизаціи надъ японскою и о необходимости для японскаго юношества усвоить ее себѣ. Когда явились американскія суда, наставникъ этотъ рѣшился воспользоваться благопріятнымъ случаемъ. Выбравъ лучшаго изъ своихъ воспитанниковъ, онъ снабдилъ его деньгами на дорогу, на сколько позволяли его скудные средства. Оба—и ученикъ, и наставникъ, были казнены; но трагическій примѣръ этотъ не запугалъ японскихъ юношей, и едва-ли хоть одинъ европейскій пароходъ оставилъ Японію, не увезя съ собою нѣсколько молодыхъ японцевъ, рисковавшихъ головою ради желанія ознакомиться съ тою свѣтлою и свободною жизнью, о которой до нихъ доходили только темныя и отрывочныя извѣстія.

Въ тѣхъ частяхъ японскаго населенія, которыя имѣли возможность познакомиться съ „господами варварами“, какъ вѣжливо величаютъ насъ еще и до сихъ поръ расположенные наиболѣе дружески къ иностранцамъ „сыны восходящаго солнца“, опасенія за то, что прибытіе чужеземцевъ угрожаетъ Японіи потерей ея независимости, быстро начали разсѣиваться. Но они и до сихъ поръ еще живутъ въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ частяхъ страны, и въ особенности въ фанатической средѣ самураевъ и шляхтичей, въ которыхъ военная доблесть и національное чувство развиты дѣйствительно очень сильно, да которые къ тому-же лишены возможности праздно жить на счетъ крестьянства подъ эгидою феодальныхъ князей съ тѣхъ поръ, какъ феодальный строй и привилегіи кастъ въ Японіи уничтожены. Собственно съ этого и начался тотъ реформаціонный періодъ въ Японіи, которому не даромъ удивляется вся Европа и который открылъ доступъ иностранцамъ въ эту страну. Основываясь на своихъ личныхъ наблю-

быванія въ Японіи и знакомства съ ея литературой, я попытаюсь здѣсь въ немногихъ словахъ очертить картину соціального быта Японіи непосредственно передъ ея открытіемъ для иностранцевъ.

Начиная съ эпохи „Тен-по“ (небесная защита), соответствующей тридцатымъ годамъ нынѣшняго столѣтія, порядокъ, введенный Гогенсамой и временно избавившій страну отъ удѣльной неурядицы, изжился окончательно. Такъ какъ званіе сіюгуновъ не было наслѣдственно въ непосредственномъ потомствѣ Гогенсамы, а избранію могли подлежать всѣ князья, состоявшіе въ родствѣ съ крайне многочисленнымъ семействомъ Токугавы, то между ними возникаютъ распри и интриги за это званіе. Южные князья: Сацума на островѣ Кіу-сіу, Тоза на Сикокѣ и Чьо-Суа на самомъ островѣ Ниппонѣ, совершенно не признавая сіюгунскаго достоинства, оказываютъ открытое сопротивленіе центральному правительству и вѣчно ссорятся между собой, втягивая въ свои распри мелкихъ владѣльцевъ. Хатамото, т. е. шляхта дома Токугавы, простираетъ свою дерзость въ отношеніяхъ къ народу и къ самураямъ, т. е. къ дворянству удѣльныхъ княжествъ, до неслыханнаго предѣла. „Думая, что могуществу Токугавы никогда не будетъ конца, говоритъ японскій историкъ,—они (хатамото) коснѣли въ праздности, развратѣ и хищничествѣ“.

Между аристократіею императорскаго дома „куге“ и въ численно ничтожномъ меньшинствѣ образованныхъ самураевъ всѣхъ княжествъ начинается созрѣвать болѣе и болѣе мысль о необходимости покончить радикальнымъ образомъ съ феодальной анархіей. Тотъ самый князь Мито, о которомъ мы уже упоминали выше, издалъ многотомное сочиненіе по японской исторіи, въ которомъ, рядомъ съ необыкновенной эрудиціей и начитанностью по китайско-японскимъ источникамъ, онъ приводитъ мысль о необходимости уничтоженія сіюгунства и восстановленія императорской власти въ той ея чистотѣ, которую она уже въ началѣ XII столѣтія успѣла утратить. Судя по аналогіи съ исторіею европейскихъ государствъ, гдѣ дѣйствительно сильная королевская или императорская власть являлась при

феодаловъ, мы не можемъ не признать эту тенденцію японскаго историка вѣрною. Она дѣйствительно встрѣчаетъ сочувствіе образованныхъ классовъ, въ средѣ которыхъ возникаетъ патріотическое общество, имѣвшее опредѣленною цѣлью низверженіе сіюгуновъ и всего, завѣщаннаго Гогенсамою государственнаго строя.

Низшіе классы народонаселенія, совершенно оттертые Гогенсамою отъ всякаго участія въ государственной жизни, не остаются, однакожъ, праздными свидѣтелями этого движенія: въ Осака, главномъ центрѣ японской промышленности и торговли, вспыхиваетъ демократическое возстаніе подъ предводительствомъ нѣкоего Оо-сиво „вадзра“, т. е. человѣка самаго низкаго званія, какъ говорятъ о немъ японскіе историки, который былъ вскорѣ схваченъ сіюгунскими чиновниками и казненъ.

„Какъ заслуженное наказаніе за подобныя злодѣянія, небо посылаетъ рядъ неурожайныхъ годовъ. Нужда и голодъ доходятъ до необычайныхъ размѣровъ. Мудрецъ хмурилъ брови, видя трупы умершихъ голодною смертію людей, валяющихся по большимъ дорогамъ, какъ падалъ. Бѣдняки, лишеныя всякихъ средствъ къ существованію, увеличивали число бродягъ и разбойниковъ, доводившихъ до отчаянія осѣдлыхъ гражданъ дерзостью своихъ нападеній. Общественное мнѣніе находилось въ крайне возбужденномъ состояніи“.

Разбойниковъ ловили, варили въ кипяткѣ или распинали на крестахъ; но положеніе отъ этого не улучшилось ни на волосъ. Крестьянство, т. е. единственный производительный классъ въ этой исключительно земледѣльческой странѣ, было слишкомъ задавлено подъ гнетомъ паразитическихъ сословій, которыя въ Японіи составляли высшую аристократическую расу. Эти аристократическія сословія смѣшиваютъ у первыхъ европейскихъ писателей о Японіи подъ общимъ именемъ „людей съ двумя саблями“, хотя надо замѣтить, двухъ сабель они не носили никогда, а по общему восточному обыкновенію носили саблю и кинжалъ, которымъ совершали „хара-кири“, т. е. распарывали себѣ брюхо въ тѣхъ случаяхъ, когда по обычаямъ европейскаго рыцарства слѣдовало вызывать противника на дуэль.

войны, эта старая аристократія дѣлилась на двѣ категоріи: „ква-зоку“ (цвѣтистый родъ) и „си-зоку“ (офицерскій родъ), т. е. на титулованное и не титулованное дворянство. Это подраздѣленіе существуетъ еще и до настоящаго времени, хотя политическія привилегіи дворянства отмѣнены окончательно; но правительство еще выплачиваетъ ква-зокамъ и си-зокамъ небольшое ежегодное пособіе и признаетъ ихъ, какъ корпораціи, имѣющія свои періодическія собранія и свои частные интересы.

Купечество въ Японіи составляло третій классъ, презираемый дворянствомъ, „такъ какъ они всегда должны лгать, выдавая дрянной товаръ за хорошій“ и ненавидимый народомъ, на которомъ оно дѣйствительно лежало тяжелымъ бременемъ. Въ странѣ, живущей тою несложною и замкнутою жизнью, которою жила тогдашняя Японія, элементовъ для серьезной торговой дѣятельности существовать не могло; единственнымъ источникомъ для обогащенія торговаго сословія служило ростовщичество, страшно разорявшее крестьянъ.

Четвертый низшій классъ—работники или пролетаріатъ, находился въ состояніи еще болѣе бѣдственномъ, чѣмъ крестьянство. Налоговъ они не платили никакихъ, но и не владѣли ничѣмъ, ни даже собственною своею особою. При полномъ отсутствіи крупной промышленности въ странѣ, пролетаріатъ вынужденъ былъ большею частью группироваться въ видѣ многочисленной дворни вокругъ не только князей и дворянъ, но даже вокругъ бѣднѣйшихъ домовладѣльцевъ. Каждый глава семьи, по японскимъ обычаямъ, имѣлъ право жизни и смерти надъ всѣми своими челядинцами.

Въ 1848 году на престолъ императорскій вступилъ отецъ нынѣшняго микадо, прозванный по смерти Ко-мьо-Зинъ и обозначаемаый въ исторіи этимъ посмертнымъ своимъ прозвищемъ. Японскій этикетъ не допускаетъ употребленія въ печати или даже въ разговорѣ собственнаго имени государя: оно замѣняется эпитетами „Тен-си“ (сынъ неба) или „Ко-тей“ (державный царь). Впрочемъ, должно замѣтить, что собственныя имена, точно также, какъ и родственныя связи, въ Японіи во-все не имѣютъ того характера неподвижности, какъ у насъ:

императоры и простѣйшіе изъ смертныхъ мѣняють собственныя свои имена при каждомъ мало-мальски знаменательномъ событіи своей жизни, какъ, напримѣръ, при вступленіи въ каждый новый возрастъ, при полученіи чина и т. п. Начиная съ XII столѣтія, императоры Японіи только тѣмъ и заявляли о своемъ существованіи, что давали особыя названія періодамъ японской исторіи. Эта императорская хронологія и до настоящаго времени составляетъ единственный употребительный здѣсь способъ лѣтосчисленія. Эра настоящаго царствованія есть „Мей-дзи“, т. е. „просвѣщенія“. Нынѣшній годъ у японцевъ, слѣдовательно, обозначается, какъ XXXVII годъ Мей-дзи. Этотъ способъ лѣтосчисленія, очевидно, еще неудобнѣе, чѣмъ китайскій циклическій, однакожъ, онъ почему-то упорно держится, и официальные попытки замѣнить его непрерывнымъ счетомъ лѣтъ не прививаются совершенно.

Съ воцареніемъ Ко-мьо-Зина начинается періодъ „нескончаемаго благополучія“. Не смотря на такую громкую вывѣску, царствованіе это при самомъ своемъ началѣ уже имѣетъ характеръ даже болѣе мрачный, чѣмъ предыдущая эпоха „небесной защиты“. Явившись въ Японію въ VI году эры „нескончаемаго благополучія“, американцы и русскіе, сами того не подозрѣвая, застали государственный ея строй въ полномъ процессѣ разложенія. Всѣ элементы страны были въ полномъ броженіи, и только недостатокъ программы или какого-бы то ни было единства дѣйствія препятствовалъ этому движенію дать окончательный импульсъ. Программа князя Мито и патриотическаго союза, т. е. возстановленіе императорской власти, сама по себѣ для живыхъ элементовъ японской націи могла представлять очень мало интереснаго, такъ какъ весьма сомнительно, чтобы нація что нибудь выиграла отъ простого перемѣщенія правительственнаго центра изъ Іедо въ Міако, изъ рукъ выродившихся преемниковъ Токугавы въ руки сомнительныхъ преемниковъ Зин-му Тен-о. А личность императора Ко-мьо-Зина была такова, что ожидать отъ него какой бы то ни было вдохновительной инициативы не было ни малѣйшаго основанія. Такъ, напримѣръ, при началѣ веденія переговоровъ съ американскою эскадрою императору предстала весьма важная задача

ность безъ борьбы овладѣть положеніемъ и забрать все дѣло въ свои руки, потому что слабый сіюгунъ Іесада только о томъ и думалъ, чтобы отклонить отъ себя всякую отвѣтственность и потому обращался къ Ко-мью-Зину за совѣтомъ и руководствомъ. Императоръ, однакожъ, ничего лучшаго не нашелъ сдѣлать въ отвѣтъ на его обращеніе, какъ приказать по всей странѣ молиться объ избавленіи отечества отъ нашествія варваровъ; онъ сочинилъ даже молитву въ стихахъ къ душамъ своихъ предковъ и умолялъ князей и дворянство дѣйствовать единодушно, чтобы поддержать достоинство японской націи въ столь рѣшительную минуту. Видя, что съ этой стороны поддержки ему быть не можетъ, а что между тѣмъ американскій комодоръ держитъ себя слишкомъ рѣшительно и что ему нельзя отвѣчать такъ, какъ отвѣчали японцы русскимъ посламъ, отъ времени до времени появлявшимся въ Японіи уже съ конца прошлаго столѣтія, Іесада слагаетъ съ себя сіюгунское достоинство. На мѣсто его выбираютъ новаго сіюгуна; но японское положеніе дошло уже до того предѣла, что какъ ни мѣняются личности, повидимому, имъ управляющія, оно развивается какъ-будто подъ вліяніемъ роковой стихійной силы.

На-сколько можно подвести общій итогъ той путаницѣ, которая длится здѣсь четырнадцать лѣтъ, начиная съ появленія американскихъ судовъ и кончая смертью послѣдняго императора, положеніе это рисуется въ слѣдующихъ чертахъ: сіюгуны стоятъ за необходимость уступить требованіямъ Америки и Россіи не потому, чтобы они внезапно прониклись сочувствіемъ къ заморской цивилизаціи, а потому, что въ качествѣ лицъ, завѣдующихъ дѣятельною политикою, они лучше, чѣмъ кто-либо въ цѣлой странѣ, понимаютъ неотразимость этихъ требованій. Императоръ, однажды заявившій о своемъ намѣреніи отстаивать молитвами, т. е. единственными находящимися въ его распоряженіи мѣрами, вѣковую отчужденность страны, болѣе уже ни во что не мѣшается; но уже вслѣдствіе одного этого первоначальнаго заявленія, въ глазахъ націи онъ служитъ представителемъ политики отчужденія, вовсе несообразной съ его личными династическими интересами. Князья

домъ самыхъ переговоровъ, чѣмъ вопросомъ, какъ выйдутъ преемники Токугавы изъ этого труднаго положенія? Въ то-же самое время они очень быстро поняли всѣ тѣ громадныя военныя преимущества, которыя можно извлечь изъ европейскихъ открытій и усовершенствованій, и слѣшать въ перегонку другъ съ другомъ обзаводиться ружьями Ремингтона и Шаспо, пушками, паровозами и т. п., чуть только открывается къ тому первая возможность. Народъ глухо волнуется, но не выражаетъ въ ясно-опредѣленныхъ протестахъ своихъ требованій.

Дворянство области Хизенъ, составлявшей одинъ изъ многочисленныхъ удѣловъ княжества Мито, первое открыто возстаетъ противъ сіюгуна, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ будто бы превышаетъ свою власть, вступая въ переговоры съ иностранцами. Оно требуетъ возвращенія государственной власти въ руки императора; но японскіе историки слѣшаютъ прибавить, что подобное заявленіе вѣрноподданическихъ чувствъ съ ихъ стороны было только маскою. Императоръ находитъ нужнымъ заявить, что самъ онъ противъ сіюгуна лично или противъ сіюгунской власти вообще ничего не имѣетъ, и выдаетъ за него свою сестру, принцессу Канцо-мія. Вслѣдствіе столь значительнаго событія названіе эпохи „нескончаемаго благополучія“ измѣняется на „Бунъ-Кіу“ („вѣрность преданіямъ“), и добродушные японцы начинаютъ считать свою хронологію снова.

„Во 2-мъ году эпохи Бунъ-кіу, въ 7-мъ мѣсяцѣ, осенью, небо однажды ночью представило чудное зрѣлище: на немъ появилось такое большое количество падающихъ звѣздъ, что онѣ образовали какъ-бы сверкающій дождь. Кромѣ того, начиная съ послѣднихъ лѣтъ эпохи Тен-по, часто стали появляться звѣзды съ длинными хвостами, какъ метлы. Невѣжественный народъ вообразилъ, что эти необычайныя явленія состоятъ въ таинственной связи съ тѣмъ, что дѣлается на землѣ; онъ волновался и трепеталъ, ожидая войны и всякихъ бѣдствій“.

Семейственный союзъ императора съ сіюгуномъ, представляющій собою фактъ, до сихъ поръ еще не бывалый въ лѣто-

дѣйствія. Новая и гораздо болѣе энергическая попытка была сдѣлана къ восстановленію единства власти въ Японіи тѣмъ, что въ должность сіюгуна выбранъ былъ менѣе, чѣмъ двадцатилѣтній князь Хышоц-баси, старшій сынъ того же князя Мито, въ которомъ общественное мнѣніе видѣло литературнаго родоначальника и политическаго вождя имперіялистскаго движенія. При этомъ послѣднемъ сіюгунъ было послано въ Европу первое японское посольство, вмѣстѣ съ которымъ былъ отправленъ въ Парижъ и младшій сынъ правителя, чтобы съ юныхъ лѣтъ и въ самомъ источникѣ ознакомиться съ европейскими нравами и цивилизаціею. Это обстоятельство заставляетъ предполагать, что едва-ли старый князь Мито былъ такимъ ревностнымъ ненавистникомъ иностранцевъ, какъ можно бы предположить изъ образа его предыдущей дѣятельности. Но уже и вліянію Мито былъ положенъ конецъ.

Сильные южные князья: Сацума, Тоза, Чьо-Сіу, споконъ вѣка враждебные традиціоннымъ порядкамъ Гогенсамы, только потому и не играли первенствующей роли въ послѣдніе годы тревоженій, что были заняты междоусобными распрями у себя дома. Сацума въ особенности пользовалась громкою репутаціею, какъ единственное княжество, сохранившее среди всеобщаго нравственнаго упадка древнюю воинскую доблесть. Его самураи получали съ дѣтства совершенно спартанское воспитаніе, щеголяли своимъ искусствомъ въ гимнастическихъ упражненіяхъ и своимъ презрѣніемъ жизненныхъ удобствъ, доходившихъ до того, напримѣръ, что тамошняя *jeunesse dorée* фламясо дохлыхъ собакъ или безъ надобности подвергала себя мучительнымъ ранамъ и т. п., единственно съ цѣлью выказать свою независимость отъ побужденій чувственности, столь сильно развитыхъ въ массѣ японскаго общества. Рядомъ съ физическимъ сацумская молодежь получала и соотвѣтственное умственное и нравственное развитіе. Китайскихъ книгъ здѣсь читалось мало, но знаніе отечественной исторіи поставлялось въ обязанность каждому благовоспитанному самураю. Въ школахъ опытные воины поучали молодежь разнымъ тонкостямъ тактики, стратегіи, а также и дипломатическаго искусства; устраивались публичныя собранія юношей, на которыхъ имъ

предлагался на обсужденіе какой-нибудь головоломный вопросъ изъ практики войны и междоусобій и т. п.

За малолѣтствомъ князя въ разбираемую нами теперь эпоху этимъ своеобразнымъ княжествомъ управлялъ дядя его по имени Симадзу Сабуро, стяжавшій себѣ за послѣдніе годы громкую извѣстность реакціонера и ненавистника иностранцевъ, убійствомъ одного изъ секретарей англійскаго посольства Ричардсона, и своею попыткою вооруженнаго сопротивленія англійскому флоту. Въ началѣ, однакожъ, Симадзу держалъ себя совершенно инымъ образомъ по отношенію къ иностранцамъ; по крайней мѣрѣ, онъ былъ первымъ изъ японскихъ владѣтельныхъ князей, оцѣнившихъ преимущества европейской военной организаціи и стремившагося аклиматизировать еѣ въ своихъ владѣніяхъ. Онъ также очень хорошо понималъ, что для привитія плодовъ цивилизаціи нужно приготовить и расчистить подходящую для нихъ почву, и потому первый завелъ въ Японіи медицинское училище и школу иностранныхъ языковъ въ своей столицѣ Кагосима и готовился сдѣлать больше на этомъ поприщѣ, когда обще-японскія дѣла приняли оборотъ, совершенно поглотившій собою его вниманіе, т. е. когда приспѣлъ его моментъ, по его мнѣнію, удобный для того, чтобы вырвать въ свою пользу изъ слабыхъ рукъ Токугавы первенство и власть, по которымъ втеченіи двухъ вѣковъ вздыхали его предшественники,

Сорокъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ выходцы изъ всѣхъ странъ цивилизованнаго міра стали селиться въ Японіи, заводя въ открытыхъ торговыхъ портахъ свои торговыя факторіи, строя невиданные въ Японіи многоэтажные каменные дома, очаровывая добродушныхъ японцевъ и импонируя ихъ въ глаза бросающимися преимуществами европейской культуры надъ ихъ отечественною. Многіе успѣли за это время убѣдиться, что появленіе „варваровъ“ вовсе не грозитъ гибелью японской національности и независимости, но уже служить источникомъ обогащенія для производительныхъ классовъ, открывая новый сбытъ для японскихъ продуктовъ по небывало выгодной цѣнѣ. Стоимость сѣмянъ шелковичныхъ червей въ са-

цать разъ; спросъ на японскій шелкъ, ткани, мѣдь, бронзу и на тѣ продукты японскаго рукодѣлія, которые съ замѣчательнымъ совершенствомъ выдѣлывали японскіе работники изъ-за скуднаго дневнаго пропитанія, достигъ громадныхъ размѣровъ. Короче говоря, въ эти первые, такъ сказать медовые годы нашихъ сношеній съ Японіей, иностранцы являлись положительными благодѣтелями для производителей, что, однакожъ, отнюдь не препятствовало имъ наживать крупныя состоянія въ короткое время. Не вдаваясь въ подробности, приведемъ только немногое примѣровъ: серебро, вслѣдствіе трудности своего добыванія при отсутствіи техническихъ свѣдѣній, цѣнилось японцами только втрое дешевле золота; шерсть и сукно, невѣдомыя дотолѣ въ Японіи, гдѣ, вслѣдствіе сырого климата, овцы и козы не могли существовать, а между тѣмъ потребность въ теплой одеждѣ не менѣе сильна зимою, чѣмъ въ средней Европѣ, стоили дороже шелка и бархата. Недостатокъ мясной пищи при вовсе почти неразвитомъ скотоводствѣ заставлялъ платить сумасшедшія цѣны за свиней, а первые, привезенные сюда кролики, прельстившіе японцевъ своею плодovitостію, доходили въ цѣнѣ до *пяти* и до *шестисотъ* мексиканскихъ долларовъ за штуку, и послужили предметомъ такихъ неслыханныхъ биржевыхъ спекуляцій, что правительство вынуждено было прекратить ихъ продажу наравнѣ съ азартными играми, до которыхъ японцы страшные охотники, по которыя съ давнихъ поръ здѣсь гораздо строже, чѣмъ въ Европѣ, преслѣдуются властями.

Вмѣстѣ съ тѣмъ для образованнаго меньшинства представлялась возможность освоиться съ демократическимъ духомъ европейской цивилизаціи. Не смотря на необыкновенную любезность, вообще, не смотря на повсемѣстное развитіе здѣсь грамотности и литературы,—сколько нибудь основательныя свѣдѣнія о бытѣ европейскихъ государствъ не могли здѣсь легко популяризироваться до тѣхъ поръ, пока съ одной стороны правительство препятствовало ихъ распространенію; съ другой—недостатокъ въ лицахъ, знакомыхъ съ европейскими языками, дѣлалъ возможнымъ переводъ на японскій языкъ только голандскихъ книгъ или тѣхъ немногихъ сочиненій о Европѣ и Аме-

рикѣ, которыя существуютъ въ китайской литературѣ. Только немногіе счастливцы изъ князей и дворянства имѣли, слѣдовательно, возможность тотчасъ же по открытіи для иностранцевъ японскихъ портовъ заводить интимное знакомство съ иностраннымъ государственнымъ бытомъ и культурою. Но дворянство, какъ сословіе, очень скоро поняло, что сближеніе съ иностранцами, столь благотѣльное для производительнаго класса, ему грозитъ окончательною гибелью его вѣковыхъ привилегій. Поэтому, будучи взято въ общемъ своемъ составѣ, оно вмѣстѣ съ буддійскимъ духовенствомъ, по меньшей мѣрѣ, выказывало иностранцамъ мало сочувствія, а часто даже звѣрски вымещало на неосторожныхъ европейцахъ вредъ, который эти послѣдніе наносили уже самимъ своимъ появленіемъ геральдическому паразитизму въ Японіи. Но изъ числа самураевъ всѣхъ княжествъ и аристократіи придворной, самой отсталой нашлись люди, сумѣвшіе стать выше интересовъ и предрассудковъ своей касты. Вмѣсто того, чтобы довольствоваться археологическою программой князя Мито или поддерживать честолюбивые замыслы Симадзу, члены этаго „патріотическаго союза“, о которомъ мы сказали выше, проникаются сознаниемъ необходимости радикально преобразовать весь социальный и государственный бытъ Японіи по европейскому образцу и дѣлаютъ честолюбіе Сацума и имперіялизмъ Мито орудіемъ къ достиженію своихъ высокихъ цѣлей. При этомъ имъ приходится выказать такую зрѣлость и обдуманность своихъ плановъ, такое умѣніе примѣняться къ обстоятельствамъ, какія мы весьма рѣдко встрѣчаемъ у европейскихъ преобразователей... Главные дѣятели этого союза почти всѣ занимаютъ въ настоящее время высшія государственныя должности и имена ихъ извѣстны читателямъ по газетнымъ извѣстіямъ.

Этотъ-то дѣятельный передовой кружокъ держится тѣсно сплоченной оппозиціей во все время борьбы, которая завязывается между южными дай-мьосами съ Сацумою во главѣ, поднявшими знамя чистаго имперіялизма, и сѣверными, которыхъ побудило взяться за оружіе желаніе обуздать кичливость сацумцевъ. Однакожъ, понимая, что борьба эта сама по себѣ не можетъ затрогивать за-живо интересы японскаго на-

рода, члены этаго союза добиваются того, что три сильнѣйшіе корифея южной коализаціи: князья Сацума, Тоза и Чьосіу, подаютъ императору адресъ съ просьбою, когда власть его будетъ восстановлена въ своей первоначальной чистотѣ силою ихъ оружія, воспользоваться ею для того, чтобы избавить націю отъ оковъ феодализма, и выражаютъ готовность пожертвовать своими сословными привилегіями народному благу. Только начиная съ этого заявленія, японскіе южане становятся дѣйствительными ратоборцами за возрожденіе Японіи; до тѣхъ поръ они, по крайней мѣрѣ, по виѣшности имѣли совершенно видъ поборниковъ застоя и отчужденія, ополчившихся противъ правительства сіюгуновъ за то, что оно открыло страну для иностранцевъ. Неудивительно, что европейскіе негоціанты, бывшіе очевидцами рассказываемыхъ здѣсь событій, опасались торжества южанъ и считали себя до извѣстной степени солидарными съ князьями сѣвера, которые постоянно нуждались въ оружіи и, слѣдовательно, давали ежегодные заказы иностраннымъ фирмамъ, а иногда даже вербовали легіоны иностранныхъ авантюристовъ подъ свои знамена. Не только иностранцы, но даже бывшій японскій посланникъ въ Петербургѣ, адмиралъ Енамото, высланный отрокомъ въ Голландію для обученія морскому искусству, возвратившись въ Японію въ самый разгаръ этой борьбы, былъ введенъ въ заблужденіе либеральною виѣшностью сѣверной коализаціи, которой онъ и предложилъ свои услуги, несмотря на то, что ни по своему положенію, ни по развитію онъ, очевидно, не могъ питать сочувствія къ сіюгунскому правительству, какъ это и оказалось впоследствии.

Борьба закончилась торжествомъ юга и смертию императора Ко-мьо-Зини (1868), случившеюся такъ кстати для приведенія въ исполненіе преобразовательныхъ замысловъ „патріотическаго союза“, что общественное мнѣніе приписываетъ еѣ отравленію. Новому дѣлу нужны новые люди, а умершій императоръ, не будучи еще старикомъ, однакожь, слишкомъ тѣсно былъ связанъ съ разъ навсегда отжившими въ Японіи порядками, тогда какъ наслѣдникъ его, имѣя отъ роду едва еще шестнадцать лѣтъ и не будучи связанъ ника-

кими вліяніями, представлялъ именно то, въ чемъ Японія всего болѣе нуждалась въ данную минуту, т. е. объединяющее знамя, подъ покровомъ котораго диктаторская власть могла предписывать странѣ необходимыя преобразованія, не вызывая ни въ комъ сомнѣнія на счетъ своего права ихъ предписывать.

Феодальная власть удѣльныхъ князей и дворянства была на первыхъ же порахъ отмѣнена вовсе, налоги, сперва собиравшіеся дай-мьосами съ крестьянства и купечества ихъ владѣній, стали поступать въ государственную казну; правительство-же опредѣлило выплачивать прежнимъ владѣльцамъ ежегодную выкупную сумму, равную одной десятой части получаемыхъ ими доходовъ. Если принять во вниманіе, что прежде удѣльные князья несли на себѣ все бремя администраціи и военныя издержки, отъ которыхъ ихъ избавлялъ государственный переворотъ перваго года эры „Мей-дзи“, что они были подчинены разорительному санко, т. е. пребыванію въ столицѣ втеченіи цѣлой половины года и періодическимъ подачкамъ сіюгуну и императору, то подобное уменьшеніе ихъ доходовъ не должно казаться намъ слишкомъ значительнымъ. Однакожь, въ дѣйствительности оно было значительнѣе, такъ-какъ доходы князей опредѣлялись числомъ *коку* или четвертей риса, собираемаго ими со всѣхъ крестьянъ. Со времени открытія Японіи для иностранцевъ цѣна одного *коку* риса колебалась между 6 и 10 *енъ* (т. е. мексиканскими доларами), смотря по урожаю и по спросу на этотъ драгоцѣнный продуктъ въ китайскихъ рынкахъ. Правительство же, платя ежегодную сумму князьямъ деньгами, выплачиваетъ имъ только по одному *енъ* за-*коку*. Что же касается дворянства, то оно, какъ сказано выше, было раздѣлено на двѣ категоріи: ква-зоковъ и си-зоковъ, которымъ было предложено на выборъ или получить единовременный выкупъ отъ пяти до семисотъ долларовъ или-же втеченіи неопредѣленнаго промежутка времени получать изъ государственной казны ежегодное пособіе, котораго размѣры измѣнялись по категоріямъ, но за средній терминъ котораго можно принять цифру отъ сорока до семидесяти долларовъ. Правительство, впрочемъ, предупредило дворянъ, что эта мѣра

временная, и приглашало ихъ заняться серьезно коллективнымъ обсужденіемъ своихъ интересовъ и пріисканіемъ средствъ къ существованію безъ обремененія государственнаго бюджета. Монастырскія и церковныя имущества тоже были взяты въ казну, и жрецы и бонзы стали получать опредѣленное правительствомъ жалованье. Кстати замѣтить, что когда мы говоримъ о духовенствѣ Японіи, то имѣемъ въ виду исключительно духовенство буддійское, котораго организація представляетъ замѣчательную аналогію съ римско-католическою іерархіею. Свѣтскому могуществу буддизма въ Японіи положенъ конецъ Нобунагою еще въ XVI вѣкѣ; но духовенство, а въ особенности монашество и до настоящаго времени составляетъ здѣсь элементъ, сильный своею численностью. И здѣсь, точно также какъ въ католическихъ странахъ Европы, опору клерикальнаго вліянія составляетъ прекрасный полъ и крестьянское народонаселеніе нѣкоторыхъ горныхъ провинцій. Излишне распространяться о томъ, что буддизмъ въ Японіи, споконъ вѣка переплетаясь съ національными традиціями и суевѣріями и высасывая изъ нихъ все, что могло содѣйствовать его акклиматизаціи въ этой странѣ, существенно отклонился отъ своего первобытнаго идеала. Что-же касается до національно японскаго культа—„син-то“, то онъ едва ли можетъ быть даже названъ религіею или, по крайней мѣрѣ, представляетъ религію въ такомъ-зачаточномъ состояніи, что едва ли ей суждено когда нибудь развиться въ законченную форму. Жрецы этого культа ничѣмъ не отличаются отъ аристократовъ дворянъ императорскаго дома; они носятъ оружіе, ѣздятъ верхомъ,—что по японскимъ понятіямъ не подобаетъ вовсе духовнымъ особамъ,—и не отправляютъ никакого богослуженія, а только распоряжаются національными праздниками или процессіями въ честь отжившихъ или легендарныхъ національных героев и родоначальниковъ Зин-му. Въ то время, какъ буддизмъ породилъ здѣсь цѣлую литературу дидактическихъ трактатовъ и популярныхъ обрядниковъ, имѣющихъ цѣлью регулировать всю жизнь благомыслящаго японца до мельчайшихъ подробностей, синтоизмъ имѣетъ одну только книгу „Ко-зи-ки“ („Сказаніе о древнихъ дѣлахъ“) — сводъ національных легентъ и преданій

написанную столь чистымъ старо-японскимъ языкомъ и такимъ своеобразнымъ способомъ, что она непонятна не только для простолюдина но и для большей части образованныхъ людей. Буддѣйское духовенство, не пользуясь ни благорасположеніемъ правительства, ни уваженіемъ со стороны общественнаго мнѣнія, разоренное въ конецъ и скептицизмомъ народныхъ массъ, и правительственными преобразованіями, однакожъ, до послѣдняго времени дѣлаетъ геройскія попытки вмѣшиваться въ народную жизнь, слѣдить за измѣняющимися событіями каждаго дня, устраиваетъ публичные диспуты и рекламируетъ въ проповѣдяхъ, выдвигая изъ своей среды на каждомъ шагу такихъ замѣчательныхъ проповѣдниковъ, что ихъ фанатизирующему краснорѣчію могутъ позавидовать отцы Гіацинты и другіе ихъ европейскіе собраты и кумовья. Образованные японцы, съ давнихъ поръ прикрывающіе внѣшней преданностью традиціонному культу свой полный религіозный индифферентизмъ, любятъ однакожъ слѣдить за этими проповѣдями съ тѣмъ интересомъ, который они питаютъ къ пѣтушинымъ боямъ, театрамъ и другимъ зрѣлищамъ; а христіанскіе миссіонеры, т. е. по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которымъ удалось совладать съ трудностями японскаго языка, поучаются у бонзъ, такъ сказать, технической сторонѣ своего дѣла... Но возвратимся къ вопросу медиатизаціи свѣтскаго и духовнаго феодализма въ Японіи.

Будучи лишены вѣковыхъ своихъ привилегій и уравнины въ смыслѣ политическихъ правъ съ простыми смертными, даймьосы были, однакожъ, на первое время оставлены, по крайней мѣрѣ, административными распорядителями прежнихъ своихъ владѣній, но уже не на правахъ ленныхъ владѣльцевъ, а только на правахъ простыхъ губернаторовъ, назначаемыхъ центральнымъ правительствомъ. Но они такъ мало оказались способными въ этой новой роли, что уже въ 1871 году правительство рѣшилось смѣнить ихъ всѣхъ безъ исключенія. При этомъ даже прежнее подраздѣленіе страны на области или провинціи, совершенно соотвѣтствовавшее тому, которое существовало во Франціи до революціи, было официально уничтожено и замѣнено раздѣленіемъ на „кенъ“ — департаменты, имѣющіе во

главѣ префектовъ или „кен-рей“ и на „кунъ“ или подпрефектуры. Къ этой мѣрѣ правительство прибѣгло вовсе не изъ желанія рабскаго подражанія европейскимъ образцамъ, а по необходимости сгладить возможно радикальнѣе слѣды феодализма. Мы упоминаемъ объ этой административной подробности только потому, что видимъ въ ней новое доказательство тождественности законовъ политическаго развитія въ разныя историческія эпохи и у совершенно различныхъ между собою народовъ.

Въ настоящее время въ Японіи ни въ должности губернаторовъ, ни на другихъ сколько-нибудь значительныхъ административныхъ или государственныхъ мѣстахъ не оказывается уже ни одного князя; очень мало даже представителей титулованнаго дворянства, но всего болѣе бывшихъ самураевъ, которые, собственно одни представляли здѣсь нѣчто подобное тому, что въ Европѣ называется третьимъ сословіемъ, и одни обладали необходимымъ для государственной службы развитіемъ. Однакожъ, касты и сословныя привилегіи съ самаго начала эпохи Мей-дзи уничтожены вовсе и доступъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ открытъ каждому не только по мертвой буквѣ правительственныхъ декретовъ и предписаній, но и въ дѣйствительности. Въ теперешнемъ высшемъ правительствѣ мы находимъ нѣкоторыхъ даровитѣйшихъ членовъ, вышедшихъ изъ крестьянства или изъ такъ называемыхъ „заоблачныхъ владѣльцевъ“, какъ здѣсь называется тотъ многочисленный классъ бѣдняковъ, который на землѣ не владѣвъ рѣшительно ничемъ, составлялъ одно изъ низшихъ подраздѣленій пролетаріата и снискивалъ свое скудное дневное пропитаніе поденною работою на Токай-до, г. е. на большой дорогѣ, ведущей изъ столицы сіюгуновъ Іедо—въ столицу императоровъ Кьото. Нельзя не упомянуть здѣсь, что понятіе безсословности настолько уже успѣло созрѣть въ японскомъ обществѣ, что мнѣ никогда не приходилось слышать, чтобы какой бы то ни было магнатъ, хотя-бы въ разгарѣ ядовитаго спора или за глаза, упрекнулъ своего „вышедшаго въ люди“ противника его низкимъ происхожденіемъ, тогда какъ въ глазахъ живущихъ здѣсь европейцевъ почти заурядъ поставляется въ укоръ тому

или другому важному японскому сановнику то, что онъ былъ простымъ поденьщикомъ или слугою какого-нибудь важнаго барина.

Однакожъ, еще недостаточно открыть, хотя-бы и фактически, доступъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ даровитымъ людямъ всѣхъ классовъ для того, что бы привить идею безсословности къ обществу, вѣками приученному презирать работника и производительный трудъ. Правительство, повидимому, очень хорошо сознаетъ это и стремится облагодарить въ глазахъ отсталой аристократіи именно тотъ родъ производительной дѣятельности, которой здѣсь пользовался наиболѣе дурной репутаціей. Такъ, напр., вмѣсто того, чтобы завести государственный банкъ, оно способствуетъ образованію на акціяхъ обширнаго кредитнаго и размѣннаго учрежденія, въ которомъ принимаютъ участіе и нѣкоторые изъ высшихъ сановниковъ, но во главѣ котораго поставлена богатѣйшая въ Іедо купеческая фирма Мицу-и. Рядомъ съ этимъ банкомъ заводится большое предпріятіе на акціяхъ для заграничной торговли, тоже подъ купеческою фирмою Опо-я, но съ участіемъ въ немъ даже родственниковъ императора. Нѣкоторые князья и дворяне спѣшатъ слѣдовать этому примѣру: такъ, напр., князь и нѣкоторые самураи княжества Тоза складываютъ деньги для учрежденія большого торговаго дома „Хорай-сьо“, управленіе которымъ поручается нѣкому Готоо, занимавшему высшія государственныя должности сперва въ своемъ княжествѣ, а потомъ въ центральномъ правительствѣ.

Предупрежденія, вѣками вкоренившіяся въ японскомъ обществѣ противъ торговли вообще, и негодованіе на то, что страна доблестныхъ потомковъ Зин-му становится страпою торгашей и барышниковъ, были, однакожъ, еще настолько сильны въ нѣкоторыхъ патріархальныхъ слояхъ японскаго общества, что вышеупомянутые результаты достигались не легко. Кромѣ дѣйствія на общественное мнѣніе примѣрами, офиціальныя и неофиціальныя преобразователи должны были вести литературную полемику противъ отсталыхъ воззрѣній на эту важную отрасль самодѣятельности. Наиболѣе энергическимъ памфлетомъ въ пользу торговаго развитія считается ма-

нифестъ, изданный въ Осака въ самомъ началѣ эпохи „Мей-дзи“ нѣкимъ Като-Сукэ-ици и переведенный на англійскій языкъ г. Астономъ ¹⁾. Считаемо не лишнимъ привести здѣсь нѣкоторые отрывки изъ этихъ крайне интересныхъ по нашему мнѣнію, „Замѣчаній о торговлѣ“ цивилизованнаго японца, такъ-какъ они лучше, чѣмъ наши собственныя размышленія, знакомятъ читателя и съ міровоззрѣніемъ современнаго японскаго общества, и съ литературными приѣмами этой страны:

„Великая Японія, управляемая нынѣшнимъ мудрымъ нашимъ императоромъ, безспорно лучшая страна въ свѣтѣ. Въ ней нѣтъ ни сильныхъ жаровъ, ни невыносимаго холода и потому растительность здѣсь роскошная; рисъ, пшеница и другія питательныя растенія рождаются въ изобиліи; овощи достигаютъ очень большихъ размѣровъ. Чай и шелковица первоначально занесены къ намъ изъ Китая, но они усовершенствованы на японской почвѣ, и это одно уже доказываетъ ея превосходство. Намъ могутъ возразить, что и въ Китаѣ и въ Европѣ есть страны съ климатомъ хорошимъ, какъ и Японія, но тамъ есть пустыни и высокія цѣпи горъ, негодныя къ воздѣлыванію. Въ Японіи нѣтъ такихъ мѣстностей ²⁾. Правда, и у насъ въ Дева, Осиу и нѣкоторыхъ другихъ провинціяхъ есть земли еще неводѣланныя, но онѣ остаются неводѣланныя по недостатку рукъ ³⁾, а не по природной негодности...

¹⁾ См. «The Phoenix», a monthly magasin, edit. bis the Rev. J. Summers. Vol. II, 1872.

²⁾ Почти треть японской территоріи непригодна къ воздѣлыванію по причинѣ горъ. Д-ръ Гринъ находилъ на самомъ о-вѣ Ниппонѣ мѣста, гдѣ $\frac{3}{4}$, а иногда $\frac{7}{8}$ территоріи были свободны отъ посѣвовъ. См. его «Report upon the Agriculture in Japan» — въ экспедиціи Перри. Не надо забывать, что памфлетъ этотъ написанъ съ цѣлью привлечь на сторону новыхъ идей людей, наиболѣе зараженныхъ вѣковою язвою національнаго самохвальства, нашего пресловутаго: «забросаемъ шапками!» Авторъ умышленно высказываетъ въ панегирической формѣ такіе факты, которыхъ ошибочность ясна для каждого, хорошо знакомаго съ экономическимъ положеніемъ страны.

³⁾ Японія, состоящая изъ 3802 острововъ, по величинѣ будучи равна Англіи, имѣетъ около 48 миліоновъ народонаселенія, т. е. она значительно болѣе населена, чѣмъ великобританское королевство, и изъ европейскихъ странъ уступаетъ только Бельгіи въ густотѣ своего населенія.

„Японія отчуждена отъ остального міра океаномъ, раскидывающимся на большія пространства и, казалось, Создатель озаботился снабдить её всѣмъ, необходимымъ для ея существованія. Вслѣдствіе этого сердца людей, будучи свободны отъ подавляющей заботы и опасенія за свою обезпеченность, естественно расположены къ обходительности, добру и справедливости. Въ Китаѣ и другихъ странахъ являлись пророки и мудрецы и ревностно поучали народъ. Тѣмъ не менѣе, тамъ люди грабили и убивали другъ друга, сильный притѣснялъ слабого. Такой образъ дѣйствій по-истинѣ униженъ для людей; но онъ является послѣдствіемъ того, что страна недостаточна снабжена съѣсными припасами и другими необходимыми для жизни предметами, и жители вынуждены отнимать ихъ другъ у друга. Въ нашей Японіи ничего подобнаго не было... Какая счастливая участь быть рожденнымъ въ странѣ, гдѣ всякій безсознательно и безъ усилій стремится къ добру; потому что всякій тепло одѣтъ и сытъ отъ плодовъ земли своей!

„Мы не нуждались въ сношеніяхъ съ заморскими государствами, но ихъ граждане стали пріѣзжать къ намъ, просить о дружескихъ сношеніяхъ съ нами, торговать съ нами и удивляться богатству нашей страны. Нѣтъ мѣсяца, въ который оборотъ не доходилъ бы до двухъ милліоновъ долларовъ. Но хотя мы и имѣемъ все необходимое для жизни у себя дома, все-жъ—таки существуютъ весьма уважительныя причины для поддержанія иностранной торговли. Продукты разныхъ странъ совершенно различны и обмѣнъ взаимныхъ избытковъ, если онъ совершается сообразно съ требованіями справедливости и взаимной помощи, выгоденъ для обоихъ. Взаимная помощь должна служить руководящимъ принципомъ всѣхъ человѣческихъ дѣйствій“.

„Въ старыя времена иностраннымъ кораблямъ было позволено приходить только въ Нагасаки; причиною этого ограниченія былъ страхъ, чтобы они не завладѣли страной. Но съ тѣхъ поръ иностранныя государства всё болѣе и болѣе цивилизовались. Они изобрѣли пароходы, снабженные такимъ механизмомъ, что они въ одни сутки могутъ проходить по 100

или даже по 200 ри и отовсюду могут скоро достигать береговъ Японіи. Нашъ микадо убѣдился въ необходимости завести съ ними дружескія сношенія; только этимъ путемъ мы и можемъ занять подобающее намъ мѣсто въ ряду другихъ націй, не отступаясь отъ принципа взаимной помощи и справедливости.

„Я сказалъ уже, что страна наша снабжена вдоволь. Но, напримѣръ, къ намъ во всякое время привозили цѣлебныя травы изъ Китая, и мы покупали ихъ очень дорого. Европейцы придумали множество машинъ, которыхъ устройство чрезвычайно умно и изобрѣтательно и которыя оказываютъ имъ неоцѣненныя услуги. Конечно, мы жили и безъ машинъ, но развѣ можно не признать, что онѣ вещи крайне поучительныя и полезныя! Къ тому-же, иностранцы уступаютъ намъ эти свои изобрѣтенія за тотъ избытокъ нашихъ отечественныхъ произведеній, который пропадалъ-бы вовсе, если-бы мы не отдавали его имъ, исполняя такимъ образомъ долгъ общежитія и въ то же время извлекая выгоды для себя. А между тѣмъ находятся люди, живущіе далеко отъ центровъ просвѣщенія, которые на иностранцевъ смотрятъ, какъ на враговъ, а въ торговлѣ видятъ причину бѣдности, являющейя результатомъ всеобщаго вздорожанія цѣнъ на всѣ продукты. Это большая ошибка. Люди въ разныхъ странахъ бываютъ хорошіе и дурные, но иностранцы—дѣти того же міра, къ которому принадлежимъ и мы, и человѣческая природа вездѣ одна и та-же. Что-же касается вздорожанія цѣнъ, то виноваты въ немъ не иностранцы, а упадокъ стоимости золота. Цѣны управляются естественными законами и зависятъ отъ сравненія между собою различныхъ предметовъ. Цѣна денегъ не всегда остается одинакова. Изъ того, что мы платимъ три ріо (долара) за вещь, за которую прежде платили одинъ ріо, еще не слѣдуетъ, что вещь эта вздорожала втрое противъ прежняго; три ріо въ настоящее время представляютъ стоимость нѣсколько даже ниже той, которую прежде выражалъ одинъ ріо. Тотъ кто взвѣситъ эти аргументы, легко найдетъ, что кажущаяся дороговизна часто оказывается только номинальной“.

„Теперь рассмотрим пути, которыми должна быть ведена торговля. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что иностранцы обладаютъ такимъ знаніемъ разныхъ странъ міра и такою торговою опытностью, которыхъ у насъ еще нѣтъ. Къ тому-же они имѣютъ торговые общества и товарищества всякаго рода, основанныя на началахъ взаимной асоціаціи. Въ Японіи тоже были торговые общества, но въ нихъ не было и помину ни о взаимной помощи, ни объ общемъ благѣ. Крупные торговцы путемъ этихъ обществъ освобождались только отъ конкуренціи мелкихъ своихъ собратій, а потому правительство запретило ихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Но если кто-нибудь теперь попроситъ у правительства разрѣшенія учредить торговую асоціацію по европейскому образцу, то правительство не только не откажетъ, но будетъ еще очень радо этому, потому что наступило такое время, когда Японія должна имѣть свою систему прочныхъ асоціацій, основанныхъ на началахъ взаимной помощи и справедливости. Только этимъ путемъ наше торговое развитіе можетъ быть расширено.

„Когда система асоціацій будетъ усвоена и дастъ большія выгоды, тогда мы начнемъ строить корабли, на которыхъ станемъ отправлять наши товары въ иностранныя государства. Это будетъ для насъ въ десять разъ выгоднѣе, чѣмъ вести иностранную торговлю у нашихъ дверей. Цѣна вещей дорожаетъ пропорціонально числу рукъ, черезъ которыя эти вещи проходятъ. Возьмемъ, на примѣръ, рыбу. Море производитъ её даромъ; рыбакъ ловитъ её и продастъ на рынкѣ только за нѣсколько копеекъ. Тамъ её покупаетъ разнощикъ, продающій её мелочному торговцу или прямо потребителю. Прежде, чѣмъ она пошла на столъ потребителя, она прошла черезъ нѣсколько рукъ; каждый взялъ на ней нѣкоторый барышъ, и потребитель долженъ заплатить три бу (четверть рію) или и цѣлый рію за то, что рыболовъ продалъ за нѣсколько копеекъ. Теперь мы ведемъ торговлю съ иностранцами подобно тому, кто покупаетъ рыбу за цѣлый рію; когда-же мы будемъ на своихъ судахъ отправлять къ нимъ свои товары, мы уподобимся тому, кто покупаетъ эту самую рыбу за нѣсколько копеекъ у ры-

въ два конца нечего будетъ и принимать въ соображеніе. Но только надо, чтобы наши купцы, отправляясь въ иностранныя государства для сбыта своихъ или для покупки чужихъ произведеній, находили тамъ компаніоновъ, готовыхъ дать имъ всѣ необходимыя указанія и оказать всякую поддержку. Купецъ изъ Іедо, отправляясь въ Кьото или Осака съ большимъ складомъ товара и въ надеждѣ на барыши, очень часто бываетъ радъ отдать свой товаръ за безцѣнокъ, чтобы выбраться изъ чужого города. Тѣмъ болѣе невозможно вести выгодно дѣла съ отдаленными государствами, не имѣя тамъ никого, кто-бы могъ оказать пужную помощь въ расчетѣ на взаимность.

„Японія въ теченіи многихъ вѣковъ была запертою для иностранцевъ; виѣшній міръ насъ не касался, и все-таки черезъ то, что мы держались между собою принципа взаимной помощи, наши необходимѣйшія потребности были удовлетворены. Это былъ спокойный и легкій образъ жизни, который можно сравнить съ бытомъ отшельника, поселившагося гдѣ-нибудь въ прелестной глуши между неприступными горами. Для любителя красотъ природы такая жизнь можетъ служить источникомъ чистыхъ и глубокихъ наслажденій; по все-же, безъ знанія того, что дѣлается вокругъ него, онъ необходимо будетъ осужденъ на нѣкоторую дикость; его потребности будутъ удовлетворены грубымъ и первобытнымъ образомъ. Столѣтъ тому назадъ говорилось, что тѣмъ лучше, чѣмъ меньше у человѣка потребностей и чѣмъ проще онѣ удовлетворяются; но съ тѣхъ поръ времена измѣнились. Европейцы постепенно цивилизовались и, при помощи изобрѣтенныхъ ими машинъ, люди, живущіе на разстояніи тысячи *ри* (японская *ри* = четыре верстамъ), могутъ разговаривать между собою; а поѣздка за 1,000 *ри* такъ-же для нихъ легка, какъ визитъ къ сосѣду. Должна-ли Японія одна оставаться вѣчно позади, когда кругомъ все движется и преуспѣваетъ? Развитіе есть законъ природы; повинаясь ему, мы должны отбросить вѣковыя привычки отчужденія и ознакомиться съ остальнымъ міромъ. Наше сближеніе съ нимъ должно быть тѣсное и дружеское. Перестанемъ быть пустышками, погруженными въ созерцаніе красотъ природы,

Тѣ, которымъ излишняя привязанность къ старымъ понятіямъ мѣшаетъ искренно отдаться дѣлу прогреса, не понимаютъ ни духа времени, ни законовъ природы; они просто безумцы, на которыхъ можно вовсе не обращать вниманія. Вѣдь примѣняются-же они къ различнымъ временамъ года и довольствуются одною легкою одеждою, когда на дворѣ тепло, а зимою надѣваютъ на себя свое теплое платье. Почему-же они не хотятъ дѣлать соотвѣтственныхъ уступокъ постоянно измѣняющимся требованіямъ духа времени? Войдемъ-же смѣло въ открывающуюся для насъ новую жизнь, отдадимся всецѣлостно развитію промышленности и торговли, не упуская никогда изъ вида блага страны“.

Мы пропускаемъ нѣсколько рубрикъ, которыя авторъ посвящаетъ обличенію уловокъ, которыми иностранные купцы искусственно повышаютъ или понижаютъ цѣны товаровъ на японскихъ рынкахъ, и выставляетъ на видъ читателямъ пользу, которую они могутъ извлечь изъ солидарности и принципа взаимной помощи, приложенныхъ къ торговой практикѣ.

„Японскій шелкъ, сѣмена шелковичныхъ червей и чай признаны за лучшіе на всемъ свѣтѣ; иностранцы привыкли къ ихъ употребленію, и спросъ на нихъ постоянно превышаетъ спросъ на другія произведенія японской почвы, несмотря на повышение цѣнъ. Наши земледѣльцы должны приложить особое стараніе къ производству этихъ предметовъ въ возможно большемъ количествѣ, такъ-какъ этого требуетъ и ихъ выгода, и общее благо страны. Затѣмъ слѣдуетъ хлопчатая бумага, трепангъ, морская капуста, грибы, растительныя масла и рыбій жиръ, растительный воскъ, лакъ, желѣзо, свинецъ, бронза, мѣдь, бамбукъ, фарфоръ, камфора, картофель, красильныя и лѣчебныя растенія, изъ числа которыхъ японскій жень-шень цѣнится особенно дорого, и сѣра... Продажа нѣкоторыхъ продуктовъ иностранцамъ запрещена правительствомъ. Таковы: рисъ, овесъ, пшеничная мука и селитра, которые могутъ быть продаваемы только для непосредственнаго потребленія иностранныхъ судовъ, стоящихъ на якорѣ въ японскихъ портахъ, или живущихъ въ Японіи иностранцевъ, но отнюдь не для вывоза. Продавать бобы и горохъ не запрещено; но такъ-какъ они со-

ставляютъ главную пищу народа, то лучше ихъ не вывозить въ большихъ количествахъ за-границу, какъ-бы ни была заманчива предлагаемая цѣна. Ничего не можетъ быть безчеловѣчнѣе, какъ дѣлать источникомъ собственнаго обогащенія обѣднѣніе народа“...

Изъ опасенія слишкомъ растянуть эту выписку, мы не цитируемъ дальше этого воззванія, хотя оно до конца интересно именно тѣмъ, что рисуетъ рельефно и ярко настроеніе лучшей и дѣятельнѣйшей половины японскаго общества. Не сангвиническое увлеченіе новизною, а сознательное стремленіе къ новой, свѣтлой и привольной жизни вдохновляетъ преобразователей этой страны, которые не падаютъ ницъ передъ внезапно открывшеюся передъ ними западною цивилизаціею, не отказываются въ виду ея отъ всякихъ самобытныхъ и національных требованій, а сознательно хотятъ усвоить несомнѣнные преимущества этой цивилизаціи, сдѣлать ихъ своимъ національнымъ достояніемъ.

Усвоеніе чуждой государственности и обществности, впрочемъ, составляло для Япоіи органическую необходимость съ тѣхъ поръ, какъ рушился тотъ порядокъ, который японская исторія выработала вѣками отчужденія. Съ возстановленіемъ императорской власти государственный бытъ этой страны представляетъ *tabula rasa*, пустыя рамки. Императорская власть представлялась здѣсь порожденіемъ вполне національнымъ, пенуждающимся въ чуждыхъ заимствованіяхъ, только въ отдаленную эпоху перваго возникновенія японской національности и государственности, формировавшихся точно такъ-же, какъ и романо-германскія національности, путемъ завоеванія. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что нынѣшніе японцы не коренные жители своего архипелага, который первоначально былъ заселенъ *айнами*, племенемъ, чрезвычайно сходнымъ съ нашими гиляками, до сихъ поръ сохранившимся въ своей первоначальной чистотѣ только на самомъ сѣверномъ изъ большихъ японскихъ острововъ—Іезо. Элементы монгольскій и малайскій слишкомъ очевидно вошли въ составъ расы завоевателей, т. е. *ямато* или собственно японскаго племени. Не только баснословныя прелопія, но и достовѣр-

ныя лѣтописи прямо говорятъ о „борьбѣ съ варварами“, которую втеченіи нѣсколькихъ вѣковъ вели японцы, прежде чѣмъ они стали единственными хозяевами нынѣшней своей территоріи. Такъ-какъ страна состоитъ изъ отдѣльныхъ острововъ, которые къ тому-же перерѣзаны въ разныхъ направленіяхъ высокими цѣпями горъ, представлявшими естественныя оплоты и крѣпости для первоиственныхъ туземцевъ, то понятно, что окончательное ея завоеваніе требовало большихъ промежутковъ времени. Пока длится этотъ завоевательный періодъ и національная жизнь ограничивается здѣсь немногосложными процессами непосредственной борьбы за землю, то Японія безпрекословно подчиняется власти одного вождя; но чуть только функціи общественной ея жизни начинаютъ усложняться, какъ тотчасъ-же является потребность и въ болѣе развитой или сложной государственности, которую первые императоры цѣликомъ заимствуютъ изъ сосѣдняго Китая. Здѣсь учреждается верховный правительственный совѣтъ, который по настоящее время сохраняетъ свое китайское названіе „Дайзю-канъ“. Во главѣ этого верховнаго правительства поставлены „три сановника“ (сан-го), стоящіе внѣ табели о рапахъ (тоже цѣликомъ перенесенной на японскую почву изъ Китая, откуда, какъ извѣстно, она проникла и къ намъ, гдѣ и процвѣтаетъ до настоящаго времени). Старшій изъ этихъ трехъ сановниковъ извѣстенъ въ японской исторіи подъ различными, но неизмѣнно китайскими названіями и соотвѣтствуетъ государственному канцлеру. Члены совѣта, „сан-ги“, назначаются императоромъ обыкновенно изъ числа высшихъ чиновниковъ различныхъ вѣдомствъ; но императоръ можетъ давать титулъ „сан-ги“ и лицамъ, вовсе несостоящимъ на государственной службѣ; такъ, напримѣръ, помянутый выше Готоо, распорядитель одного изъ обширнѣйшихъ въ Японіи, торговыхъ обществъ былъ призванъ въ государственный совѣтъ новымъ правительствомъ. Затѣмъ слѣдуютъ восемь министерствъ, очень немногимъ разнящихся отъ соотвѣтственныхъ европейскихъ учрежденій; во главѣ каждаго министерства стоитъ „кьо“ — министръ, и два товарища „тай-ю“ (старшій помощникъ) и „сyo-ю“ (младшій помощникъ). Министерства раздѣляются на департаменты. Во главѣ войска

стоять одинъ „тай-сіогунъ“ или фельдмаршалъ и „цинзифъ-сіогунъ“—его товарищъ или помощникъ.

Японскіе историки, не опредѣляя съ точностью времени, когда эта китайская организація власти проникаетъ въ Японію, совершенно справедливо, однакожь, считаютъ это время за начало упадка здѣсь императорской власти. И дѣйствительно, съ одной стороны, сами императоры, очутившись во главѣ стройно-организованной власти, какъ-будто-бы пользуются этимъ для того, чтобы отдохнуть отъ дѣятельной боевой жизни своихъ предшественниковъ. Они или пишутъ пасторальныя стихотворенія, какъ извѣстный своею поэтическою дѣятельностью Тензи-Тен-о, или увлекаются живописью, какъ редоначальникъ императорскаго поколѣнія Тоба-по-инъ, по государственнымъ дѣлами не занимаются вовсе, сдѣлавъ власть государственнаго канцлера наслѣдственною въ родственномъ имъ семействѣ Фузивара. Съ другой стороны, гордые японскіе феодалы вовсе не считаютъ нужнымъ подчиняться демократизирующей централизаціи Китая и заводятъ нескончаемыя междоусобія. Двѣ аристократическія семьи борются между собою за первенство, какъ будто никакой центральной власти не существуетъ надъ ними и вся Японія вынуждена раздѣлиться на два враждебные лагеря: *Хей* или *Тайра* съ одной стороны, *Генъ* или *Минамото*—съ другой. Въ этомъ проходитъ весь XII-й вѣкъ, пока, наконецъ, *Йори-томо* изъ рода Минамото не склопляетъ побѣду на свою сторону. Родъ Тайра подвергается столь окончательному истребленію, что только за послѣдніе годы въ горахъ найдена была община, жившая въ совершенномъ отчужденіи отъ цѣлаго міра, и въ жителяхъ ея японцы признали одичалыхъ потомковъ этого могущественнаго семейства.

Йори-томо придумалъ для себя небывалый титулъ „Сей-и-Тай-соігуна“ (великаго военачальника для укрощенія варваровъ) и подъ этимъ титуломъ не только самъ управлялъ Японіею въ качествѣ неограниченнаго государя, но завѣщалъ ту же власть своимъ внукамъ. Городъ Камакура, резиденція *Йори-томо*, сталъ дѣйствительною столицею, между тѣмъ какъ императоръ со всѣмъ своимъ штатомъ жилъ въ священной глуши Кьото, „подобно тому, кто держитъ ключъ отъ пустой кассы

какъ характерно выражается о немъ японскій историкъ, — смиряясь передъ Йори-томо, какъ курица смиряется передъ пѣтухомъ, распѣтующимся на птичьемъ дворѣ“.

До 1868 года императорская власть не выходила изъ того ничтожества, въ которое её повергъ первый ея протекторъ. Власть сіюгуновъ переходитъ изъ рукъ въ руки разныхъ династій и въ каждой изъ нихъ только мельчаетъ и изнашивается, какъ залежавшееся платье; такъ что когда при послѣднемъ представителѣ ея смѣлый военачальникъ Оа-Нобунага изъ рода Тойо-тома, укротивъ феодальную неурядицу, даже и не думаетъ о томъ, чтобы принять износившійся сіюгунскій титулъ. Точно также и второй диктаторъ Японіи, Хидеёоси или Тайкосама, никогда не былъ сіюгуномъ. Только Гогепсама, занятый своими династическими соображеніями, не брезгаетъ сіюгунскимъ званіемъ и, возродивъ его въ новой японской исторіи, придаетъ ему совершенно новое значеніе и силу.

Мы уже рассказали, какимъ образомъ на развалинахъ этой сіюгунской власти возстановилась императорская власть въ 1868 г., а вмѣстѣ съ нею возрождено было и то, заимствованное изъ Китая, государственное устройство, которое мы описали выше. Номинально оно во всѣ вѣка существовало въ Кьото, и полный штатъ государственныхъ сановниковъ и министровъ постоянно существовалъ при императорскомъ дворѣ, разумѣется, не играя никакой дѣйствительной роли; министры вынуждены бывали плести бамбуковыя корзины или тростниковую обувь, которую носятъ японскіе простолюдины, а государственный канцлеръ поучалъ столичное юношество китайской грамотѣ и отечественной исторіи.

Первою заботою правителей Японіи естественно должно было быть избраніе какого-бы то ни было внутренняго содержанія для возстановленныхъ ими политическихъ формъ. Это-то содержаніе они рѣшились взять изъ европейской цивилизаціи, будучи вполне готовы передѣлывать и измѣнять самыя формы, если онѣ окажутся непригодными для новаго содержимаго. Читатель однако-же легко могъ замѣтить, что

ственности не оказывается столь существенныхъ различій, какъ можно было-бы предполагать *à priori*. Отъ японцевъ потребовалось чрезвычайно мало инициативы для того, чтобы взамѣнъ китайской организаціи исполнительной власти обзавестись полнымъ штатомъ министерствъ по европейскому образцу, со всѣми атрибутами этого сложнаго и крайне дорогого механизма. Въ настоящее время здѣсь существуютъ, вмѣсто прежнихъ восьми, одиннадцать министерствъ, съ спеціальнымъ управленіемъ колоніями.

Главнѣйшею и труднѣйшею задачею преобразователей Японіи было образованіе вѣдомства юстиціи, какъ дѣла, совершенно новаго въ странѣ, вовсе неимѣвшей до тѣхъ поръ писаныхъ законовъ. Для этой столь настоятельной реформы было много самыхъ побудительныхъ стимуловъ; не говоря уже о сильно развитомъ въ лучшихъ частяхъ народонаселенія стремленіи перейти къ формамъ просвѣщенной общественности, существовалъ еще весьма уважительный поводъ торопиться осуществленіемъ радикальнаго преобразованія юстиціи. Я говорю объ „экстериторіальности“ „т. е. подвѣдомственности живущихъ въ Японіи иностранцевъ исключительной юрисдикціи своихъ консуловъ, что въ высшей степени оскорбляло національное самолюбіе японцевъ и въ то-же самое время ложилось крайне тяжелымъ на нихъ бременемъ при веденіи какихъ-бы то ни было дѣлъ съ европейцами. Но неоднократно обращенія японскаго правительства къ иностраннымъ державамъ съ просьбою признать въ отношеніяхъ къ „имперіи восходящаго солнца“ тѣ-же принципы, которыми европейскія государства руководятся во взаимныхъ отношеніяхъ между собою, постоянно получался одинъ и тотъ-же оскорбительный отвѣтъ, что гражданинъ цивилизованнаго общества не можетъ подчиниться дикому суду бамбуковой палки. ¹⁾ Такимъ образомъ, потребность юридическаго образованія и развитія становилась для Японіи настоятельнѣйшею необходимостью. Японскіе студенты отирались въ значительномъ числѣ въ Европу для

(¹) Съ введеніемъ конституціи въ Японіи устранена и экстериторіальности. *Полит. эконом.*

изученія юридическихъ наукъ по преимуществу передъ всѣми другими; но такъ-какъ они, по большей части, еще не знали ни одного европейскаго языка и вовсе не имѣли приготовительныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для этого изученія, то ждать скораго достиженія желаемыхъ результатовъ этимъ путемъ, было конечно, невозможно. Единственнымъ исходомъ представлялось непосредственное заимствованіе уже готовыхъ юридическихъ формъ у одного изъ европейскихъ народовъ. Это-то заимствованіе, какъ мы уже говорили въ самомъ началѣ этой статьи. Японія предполагала сдѣлать у насъ, своихъ ближайшихъ сосѣдей.

Серьезнаго знакомства съ внутреннимъ бытомъ европейскихъ государствъ у японскихъ государственныхъ людей того времени и быть не могло, при недавности и односторонности взаимныхъ сношеній между Европою и Японіею. Усвоеніе Японіею тѣхъ или другихъ чуждыхъ образцовъ могло основываться не на подробной сравнительной оцѣнкѣ учреждений разныхъ странъ, а только на общемъ впечатлѣніи, которое различныя національности успѣли произвести на японцевъ при своихъ столкновеніяхъ съ ними. Авторитетъ Англіи, которой языкъ и техническое развитіе всего больше наслаждались въ Японіи, въ это время стояло чрезвычайно низко. Вслѣдствіе-ли случайности или вслѣдствіе того, что японцы, опираясь на примѣръ Индіи, всего болѣе боялись захвата именно со стороны Англіи, но только жертвами ненависти японскихъ старовѣровъ къ иностранцамъ вообще были преимущественно англичане. Убіійство англійскаго секретаря Ричардсона по приказанію сацумскаго князя Самадзу вызвало со стороны Англіи вооруженную экспедицію, которая даже по мнѣнію совершенно незаинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ американцевъ, повела принципъ возмездія слишкомъ далеко своими дѣйствіями въ проливѣ Симоносеки. Самое наложеніе денежной пени на княжество Сацуму за это убійство произвело на японцевъ совершенно не то впечатлѣніе, на которое англичане рассчитывали. Правительство приняло эту уплату на себя и, когда Англія предложила ему нѣкоторыя послабленія, и уступки

дается и принять ихъ не хочетъ, а князя Симадзу возвело въ должность са-дай-зина. Америка, которой вліяніе въ настоящее время въ Японіи стоитъ чрезвычайно высоко, первоначально была сильно скомпрометирована тамъ скандальною дѣятельностью посланника Делонга; къ тому-же японцы ровно на-столько знали о ея учрежденіяхъ, чтобы и не пытаться пересаждаъ ея зрѣлое самоуправленіе на свою сравнительно дѣвственную почву. Выбирать, собственно говоря, только и оставалось между Франціею и Германіею...

Не вдаваясь въ подробности, замѣтимъ только, что японское посольство, объѣхавшее Америку и Европу въ 1871—73 г. съ цѣлью главнѣйшимъ образомъ тѣснѣе ознакомиться съ государственными учрежденіями и юридическимъ бытомъ разныхъ странъ, вернулось, привезя съ собою французскихъ юрисконсультовъ, которымъ и было поручено чтеніе юридическихъ курсовъ при министерствѣ юстиціи и приспособленіе къ Японіи наполеоновскаго кодекса ¹⁾.

¹⁾ Въ Японіи былъ введенъ 11 февраля 1889 года конституціонный образъ правленія и 29 ноября 1890 года былъ созванъ первый парламентъ. Образцомъ для японской конституціи послужила прусская конституція. Общинное самоуправленіе было введено въ 1889 году. (Arimari. Das Staatsrecht von Japan). *Первое издание*

Замѣченныя опечатки.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть:</i>
4	2 снизу	его	ее
7	1 —	приписать къ	приписать
8	5 —	такой	той
9	16 сверху	изъ	изъ сткрытія
10	7 снизу	выпадаемый	выгодный
14	14 снизу	дома	двора
17	5 сверху	императоры	императоры въ
—	5 снизу	преемниковъ	потомковъ
18	4 снизу	этого	этого своего
19	7 снизу	необычайныя	необычайныя небесныя
—	2 снизу	ляющій	вшій
20	9 сверху	сынъ	братъ
—	14 —	образа	обзора
—	19 —	треволненій	японскихъ треволненій
—	16 снизу	Его	Ея
21	17 —	приспѣлъ его	приспѣлъ
—	17 —	торговыхъ	по договору.
22	7 сверху	для	для японскихъ
—	8 —	имъ	имъ самимъ
—	15 —	прекратить	запретить
—	10 снизу	лалась	вилась
—	9 —	любезность	любезнательность японцевъ
24	14 —	коализаціи	коалиціи.
—	1 —	еще	
25	12 сверху	чисти	части прежде
—	15 снизу.	со всѣхъ	со своихъ
—	11 —	ежегодную	ежегодно выкупную

Стран.	Строка.	Напечатано.	Должно быть:
28	11 снизу	ничемъ	ничѣмъ
29	10 сверху	облагодарить	облагородить
—	11 —	которой	который
—	11 снизу	предупрежденіи	предубѣжденія
—	2 снизу	отрасль	отрасль общественной
30	9 сверху	вынѣшнимъ	<u> </u>
—	15 снизу	bis	by

Въ Москвѣ
издана
1874

